

Елена Андрейчикова

Чужие

Совсем чужие они были. Глаза дикие, ручки-ножки тонкие, игрушечные, словно пластиковые солдатики, которых я отдал соседскому пацану, когда перешел в девятый класс. Братьев у меня не было.

Громкие, визгливые, непоседливые. Сколько раз жена пыталась поймать одного из них и поцеловать в вертящуюся на художничной шее головку. Их крики звенели у меня в ушах круглосуточно. Я уже не мог отделить настоящий звук от призрачного эха, не покидающего мои барабанные перепонки даже во сне.

Они не слушались жену, а тем более меня. Делали все наоборот: разбрасывали, разбивали, разливали, ломали, пачкали.

Вы думаете, я преувеличиваю? Свой ужас или материальный ущерб?

Нисколько. Преуменьшаю. Если так ведут себя все существующие в этом мире дети, отцовство – это уже подвиг сам по себе.

Двойняшки. Какие же они двойняшки, если совсем не похожи друг на друга? Решительно ничего общего. Сказали, такое бывает.

Они бы еще не то сказали, чтобы всучить нам второго.

Вы так сразу не подумайте ничего плохого. Я детей люблю. Как я их люблю? Вот если выбирать между позициями «я детей не люблю» и «я детей люблю», я выберу второе. Честно.

А если совсем честно, я ничего об этих детях, не знаю, чтобы любить. А на безусловную любовь я не готов. Не могу, не умею, не буду.

Мне, наверное, надо постараться их лучше узнать. Что они любят есть, в какие игры любят играть, что умеют и чему бы хотели научиться. И самое главное, мне интересно, когда они прекратят орать.

Я не сплю вторую неделю. Вообще. Ни минуты. Ни мгновения. Забыл, как это делается. Уже и не помню, как голову покидают мысли, уши – шум, язык – привкус несказанных слов, а колючая дрожь оставляет в покое мой измученный организм. Я не знаю, смогу ли когда-нибудь уснуть. Они вроде засыпают после полуночи. По крайней мере шорохов в квартире не слышно.

Но я физически ощущаю этот крик и тонкий звенящий детский смех.

Мне кажется иногда, что смеются они надо мной, заглядывая мимоходом мне в глаза и безмолвно вопрошая: «Что, папенька, страшно?..».

Страшно.

Не то чтобы я боялся детей. Я же сам их хотел. Мы так решили. Правда, до этого мы это решали лет двадцать другими способами. Поразительно, какой ассортимент вариантов рождения детей существует в современном мире. Каждый раз, узнавая что-то новое, диву даюсь сегодняшним возможностям. Бабки, гадалки, колдуны, священники и святые мощи используются с не меньшей регулярностью, что и доценты, кандидаты и профессора. И стоят не дешевле. Мы тоже пользовали. Регулярно, но тщетно.

А наследников мне хотелось. С кем-то разделить все, что сумел достичь за эти годы, передать по договору дарения дело, опыт, идею, мечту...

Правда, я не думал о том, что сначала придется лет пятнадцать подбирать за ними разбросанные по всей квартире вещи, отмывать размазанные пятна сока и соуса на кухонном столе и вытирать часто срущие белые попки. Вру. Сам ни разу не вытирал. Жена. Ну и не пятнадцать лет. Но все же придется.

Я согласился на одного. Средства у нас были, жилищные условия тоже. Я действительно был не против очеловечить нашу семью, проапгрейдить до следующего уровня. Жена хотела очень. Я слышал, как она тихо плачет по ночам после очередной неудачи, глуша стоны подушкой. Молча глотал ее соленую боль, разделяя новую дозу отчаянного разочарования. Но никогда не говорил с ней ночью об этой боли. Да и днем не особо. За двадцать лет ты понимаешь многое без слов. И за двадцать лет ты устаешь жалеть ее. Да, мне жалко. Да, мне тоже больно. Но я не могу страдать

и говорить об этом бесконечно. Я вообще не люблю говорить. А тем более зачем пустая трата слов, когда невозможно ничего изменить?

Я был бы согласен так и жить уже. Люблю свою жену, свою работу, свою свободу, свой дом, свою картинку в голове и за окном. В какой-то момент свыкся с этой неуютной мыслью, что детей у нас, возможно, никогда и не будет. Есть же племянники и племянницы, у сестры жены уже даже есть внучка.

Я свыкся. Но она нет – то ли характер, то ли инстинкт.

Помню, как первый раз мы поехали в этот приют. Я чувствовал себя мальчиком, которого мама ведет в школу в первый класс. На вопросы директрисы отвечал кратко, с бесконечными паузами с высокого одобрения будущей мамы, которая все время держала меня за правую руку, периодически сдавливая мои пальцы и сидящее на безымянном пальце обручальное кольцо. Больно.

В тот день детей нам не показали. Намекнули, что есть то, что мы хотим, и даже лучше. И отправили собирать документы.

Я только слышал шум за закрытыми дверями детских комнат, но не видел ни одного лица. Проходя по коридору, шарахался. Почему они, эти самые цветы жизни, такие громкие? Зачем все время орать?

Тогда впервые об этом задумался, и снова эта мысль меня не покидает вторую неделю.

Вот уже и ожидаемое лето началось, а я чувствую холодную дрожь, все еще ношу рубашки с длинным рукавом и громко шмыгаю носом. Температуру мерил – нет. Но и лета тоже нет. Не улыбает ни первая черешня, лежащая передо мной на прозрачном блюде, ни короткая, обнажающая все еще стройные коленные чашечки жены шушащая юбка.

Конечно, это не вина детей. Это я. Не могу себе найти в доме места. Хочется лечь этой молодой кислой черешней в теплую тарелку, молча лежать и смотреть удивленными глазами на враждебный шумный мир. Лежать и дожидаться своего конца в чьей-то пасти. Но я должен что-то делать. Что-то говорить. Важное. Нужное. Серьезное. Полезное. Назидательное. Отеческое. Вот уже одиннадцать дней как я стал отцом.

Пятнадцать тысяч минут на то, чтобы понять, что произошло. И ни одной минуты уверенности в том, что у меня это получится.

Нет, оно-то все уже случилось. И назад дороги нет. По крайней мере с моей женой дороги назад здесь быть не может.

И сама идея мне нравится. Дети. Двое. Мальчики. Наследники. Все, как я себе когда-то рисовал в собственной идеальной реальности. После стольких лет тщетных попыток воплотить в жизнь идею биологического отцовства. Окольным путем, но я все же вошел в эту дверь. Все эти разговоры о генах, которые после меня никто не унаследует. И других генах, которые могут победить и не оправдать моих надежд. Все это меня уже не то чтобы не волнует. Мне плевать.

Я не настолько гениален, чтобы трястись над своей ДНК, продолжать с упорством идиота желать ее размножить. Кто там знает толком свое родословное дерево до самых корней? Это родители и деды вроде бы приличные люди. А дальше? Вглубь времен? Вдруг там воры, пьяницы, убийцы? Где гарантия, что не возобладает тот самый затерянный в веках ген? И в результате свой родной ребенок может показаться чужим до тошноты, до рвоты, до судорожных конвульсий необратимости судьбы всего грешного рода.

Вы видели лица отцов, дети которых не оправдали их надежд? И которых суд не оправдал? А еще и не раз?

Хотя, конечно, не могу знать, что они чувствуют на самом деле. У меня вряд ли когда-нибудь будут свои, родные. Пока бы с этими сродниться.

За эти одиннадцать дней знакомые и друзья разделились для меня на две группы. Всего на две. С такими разными чертами характера, темпераментами, профессиями, семейным положением и гражданской позицией. Всего две реакции на нас.

– Поздравляем! Вы – герои!

Слезы у женщин, понятное дело. Особо чувствительные мужики тоже потирают влажные носы.

Мы скромно оправдываемся: мол, что здесь такого, сделали и сделали. Но для себя каждый раз отмечаю эту реакцию. Для меня понятную.

Есть и другая.

– А зачем вы это сделали? Я бы вам адрес врача хорошего дала... Я бы вас с батюшкой познакомил... Не страшно?

Очень. И вас двадцать лет слушать тоже было страшно.

На чем я там остановился?

Собрали мы документы. В подробностях не буду, и так всем ясно, как у нас «быстро» справки пишут. Мы принципиально денег никому давать не хотели, поэтому скорость выписывания бумаги зависела от варианта вышеописанной реакции.

– Молодцы! Уважаю! – сообщила нам густая седая бородка районного нарколога, и за полминуты мы уже имели две именные справки с мокрой печатью. У входной двери пухлая ладошка пожала мою. Два раза.

Примерно по такому же сценарию состоялись встречи с врачами в тубдиспансере, вендиспансере и в районном ЖЭКе, где необъятная Софья Марковна намочила два платка, пока выписывала форму № 1.

Вот с психиатром у меня не сложилось с первого раза. Чуть позже у жены с кардиологом.

– Зачем вам это нужно?

Мне сразу стало ясно, с кем имею дело. Красная кричащая оправа, острый нос, который важно куда-то засунуть, и узкий недобрый рот специалистки по психиатрии напрягли меня с порога.

Обычно я не очень разговорчивый. Но она меня довела до такого состояния своими грязными вопросами насчет жены, детей и нашего образа жизни, что через полчаса я выбежал, матерясь вовремя подвернувшимися под руку и точно ее описывающими выражениями и жестами.

Через три дня вернулся под руку с женой. И под феназепамом. Выписала.

После кардиолога жена пришла в истерике, держась за сердце.

– Представляешь! Она мне откровенно намекала на деньги. Все с тем же дурацким вопросом «зачем» и тысячами замечаний по моему левому желудочку. Мол, как вы с таким сердцем собираетесь усыновлять. Я ее спросила, можно ли рожать.

– В принципе, да.

– Тогда почему ж я усыновить не могу?

– Потому что я же должна вам в справке написать, что вы здоровы. Но вы ведь не здоровы. Значит, такую справку я выдать не могу. Права не имею. Я могла бы пойти вам навстречу... Но вы экстрасистолу свою видели?

Жена натурально играла эту сердобольную старуху, пересказывая сцену. Как она ее не убила, ума не приложу. Пожалела. Потом подумала. Полистала до утра возможности. Собрала разбросанные по справкам мысли. На следующий день пошла к главврачу. Обрисовала ситуацию. Вкратце. Через пять минут в его кабинете уже плакала заботливая толковательница кардиограмм. А жена с победной ухмылкой и полностью укомплектованным досье на нашу семейку, не замечая дождя, потока машин и людей, бежала к директрисе приюта посмотреть на фотографию «того, кто нам подходит», и второго, который условно назывался «и даже лучше».

Через две недели мы их забрали. Обоих. Суд назначили на конец лета, но по какой-то чрезвычайно генеральной доверенности нам разрешили забрать двойняшек.

В первый раз, когда узнал, что их двое, я искренне и наивно рассмеялся жене в лицо. Смеялся минут пять, пока понял, что смешного ничего не будет. По крайней мере в ближайшее время. По ее взгляду понял, что согласен. Я не подкаблучник, нет. Не надо комментариев. Но бывают такие в жизни моменты, когда я знаю, что лучше поверить ей. Потому что иначе буду бесконечно взвешивать все и перевешивать, буду долго неуверенной рукой выводить прямую перспективы. Но так и не дам однозначный ответ.

– Не смотри на меня так: мы знаем, кто у нас тут главный! – услышал от белобрысого Артема на второй день.

Что я почувствовал?

Мне захотелось стать одним из тройняшек. Взять три детали Lego и часами пытаться сложить их в единое целое. Чтобы больше от меня ничего не требовалось.

Все эти дни я не спал. По-моему, я уже говорил об этом. Сказывается усталость, наверное. Или старость. Я говорил, что мне скоро полтинник? Говорил же, и не раз.

Вы понимаете, что это такое – жить по своему личному, удачному, очень точно отвечающему потребностям графику в течение почти полувека, а потом проснуться утром и понять, что больше ты себе не принадлежишь?! И дом твой не принадлежит тебе. И все, что в доме. И даже жена твоя уже не совсем твоя. То есть не только твоя. Теперь придется всем делиться.

Съесть последний кусок любимого торта, оставленного на утро, ты можешь не успеть.

Все это ты сам захотел. Сам организовал. Сам ходил по бюрократам, сдавая им кровь, мочу и терпение.

И вроде бы витает в воздухе какой-то едва уловимый сладковатый запах личного триумфа. Что, мол, смог обхитрить, обдурить, обыграть себя же в бескозырку. Достигнуть желаемой цели. Одной из. Закрыть ноющий вопрос. Успеть до дедлайна. До юбилея. Успел.

Но что теперь делать с этим триумфом, пока толком не могу понять.

Два посторонних, совсем чужих, еще маленьких, но человека, теперь круглосуточно живут рядом с нами. Едят на нашей кухне, валяются на нашем диване, терзают по очереди мой ноутбук, спят в моем кабинете и называют мою тещу «бабусей».

Первый, тот, которого я назвал белобрысым, совсем худой, бледный, улыбчивый, с глубокими ямочками на щеках, слегка косыми подвижными глазками и слишком подвижными другими частями организма. Не может спокойно ни стоять, ни лежать, ни сидеть. Даже на унитазах. И заводит все время второго, более степенного: самому-то скучно на голове по дому ходить.

Второй, Антон, – этот потише. Чернявый, смуглявый, коренастенький. Аппетит зверский, ест все без разбора, и за Артемом подъедает, пока тот вертится. Впрок. Если бы не брат, думаю, шума бы много не делал. Как двух таких разных детей могли назвать братьями, понять не могу. Хоть мне триста раз и объясняла жена разницу между близняшками и двойняшками, продолжаю поглядывать на них с подозрением. Не обдурила ли сердобольная директриса ради улучшения показателей в области статистики усыновления.

Меня спрашивали пару раз, давали ли мы взятку, чтобы решить это дело побыстрее. Я честно отвечаю, что нет. Я не давал. Есть у меня подозрения, что жена чем-то все же руку смазала этой огромной женщине из районной службы в черном парике, с массивными золотыми браслетами на запястьях и маленькими сверлящими, острыми, густо расписанными тушью и милосердием

глазками. А то первый раз пришли – детей нет. Ну, тех, которых можно взять, у которых статус «сирота». Детские дома переполнены, только большинство детей так никогда и никому не разрешат усыновить по причине идиотизма законодательства. А через неделю нам показали список. Сотни белобрыхых и смуглых, голу-боглазых и кареоких, худых и упитанных, буйных и замкнутых, здоровых и болезненных девчонок и мальчишек...

Теперь вот сию полдня перед ноутбуком, пряча глаза в мони-тор, имитирую активную занятость и отслеживаю скукоженны-ми ушами происходящее за дверью спальни, куда я переместился, прчась от шума.

Слышу, как жена гремит кастрюлей, включает воду, хлопает дверью холодильника. Артем катается на велосипеде по кварти-ре, задевая все на своем пути. Хрупкое и ценное он уже разбил, поэтому даже не вздрагиваю при каждом повороте руля. Антон же сидит на диване, ну или под диваном, бесконечно щелкая пультом от телевизора, листая каналы, делая звук все громче, методично ковыряясь в носу. Как слышу про нос? За эти одиннадцать дней я открыл в себе новые способности: слышать глазами и видеть ушами. Может, постепенно становлюсь настоящим родителем?

Или просто схожу с ума?

– Милый, идем с нами обедать!

Жена заглянула в спальню. Улыбается.

Изменилась. Заездили они ее. И няню ни в коем случае не хо-чет. Мол, мальчики должны привыкнуть к маме и папе, посторон-ний человек будет мешать, всячески отвлекать внимание на себя. Может, мальчики и привыкнут к родителям. А как родителю при-выкнуть к ним?

За обеденным столом чувствую себя гостем в доме. Я, конечно, стараюсь что-то говорить важное, отцовское, вроде: «Возьми ложку нормально, сядь прямо, вытри губы, вытри руки, не лезь в чужую тарелку, не кроши на пол, не отвлекай брата». Мой рот произносит эти замечания, возникшие откуда-то из генетической памяти глав семейства. Они жили где-то на задворках сознания, так долго, почти столетия, ожидающие появления на свет. Да, эти дети уже могли бы теоретически быть моими внуками. Произношу автоматически, толком не понимая значения слов.

Я очень стараюсь. Стараюсь сделать, сказать, суметь, стать. Стараюсь приблизить момент, когда мне можно будет расслабиться. Насладиться обедом, приготовленным женой. Получить удовольствие от тепла наступившего лета. Почувствовать вкус этой недозревшей черешни. Понять, как это – быть хорошим отцом этим детям. Как это вообще – быть отцом.

А пока мне хочется поскорее сбежать. От этого беспрестанного визга за столом, от луж пролитого между тарелками супа, от жонглирующих посудой покрасневших рук жены, от крошек хлеба под столом, на которые я наступаю голыми ступнями, и которые обжигают меня, как раскаленные угли.

Возвращаюсь к своему компьютеру. Я должен работать, а мне хочется выговориться. А так как говорить я не люблю, то доверяю это все вордовскому файлу.

Мой род занятий никак не связан с внезапно появляющимися на белом экране хромающими эпитетами и метафорами. Вместо них должны появляться цифры, счета, спецификации, графики и отчеты. Бизнес у меня дилерский. Все давно налажено и с немцами, и с местными. Но контролировать надо постоянно. Пытаюсь. Очень активно. Вглядываюсь с самого утра в короткую спецификацию, а буквы и цифры расплываются. Закрываю глаза, открываю – напрасно. Очки свои протер два раза. Без изменений.

Еще недельку посижу дома и съезжу в Мюнхен. Давно лично не встречался с Вальтером. Да и пора мне проветриться. Короткая командировка должна освежить меня, я соскучусь по жене и дому. Решено. В конце концов, я это делаю для их же блага. Кому станет легче, если я заброшу работу и буду целый день ходить за ними следом и тыкать носом в букварь?!

Наследников в своей голове я представлял несколько иначе. Понимаю, что это абсурдно, но как-то, думая о детях, всегда видел сразу хотя бы подростков – умных, любопытных, жаждущих знаний, послушных, аккуратных, ответственных, уважающих отца, беспрекословно ему подчиняющихся, но все же имеющих свое мнение. Желающих продолжать мое дело, расширять его, модернизировать, заменить меня в любую выбранную мной минуту. Ценить каждое заработанное мною евро и стремиться постоянно преумножать капитал.

Вы мне не скажете, когда эти четырехлетние малявки принесут мне первое евро, хотя бы доллар, да хотя бы гривну?

Не знаете?

Вот и я не знаю. Как и когда. И самое главное, как мне себя вести и что делать для того, чтобы картинка идеального будущего стала хоть немного ближе и осязаемее.

– Я покакал! Мама!!! – перебил мой мысленный поток крик Артема. Они даже это сами сделать не могут. Надо было брать детей постарше, которые хоть что-то могут без помощи моей жены.

Вместо того чтобы приблизиться перед сном к горячей женской спине, прижать пятерней мягкую левую грудь и твердый, отвечающий взаимностью сосок, ощутить себя в теплом месте, с привычными эмоциями и ритмичными движениями, я сжимал кулаками подушку и челюстью сдавливал немую ярость. А я же сам этого хотел.

Они забегали в спальню по очереди четырнадцать раз. То один, то другой, то пить, то писать, то страшно им, то смешно, то есть, то снова пить.

Я ничего уже не хотел. Делал вид, что читаю. На одной странице пролежал пять минут, опомнился, перевернул.

Дети. Да, я знаю. Они просто дети. Я очень стараюсь. Я должен привыкнуть. Я обязан свыкнуться. До того как успею свихнуться.

Няню она не хочет, в сад их водить пока тоже. Я толком не работаю, не ем, не сплю все эти дни, и улучшение не намечается. Жене я поддакиваю, когда она говорит, что уже начинает привыкать, начинает соображать, как себя правильно вести, уже засыпает спокойнее, скучает по ним, когда выходит в магазин... Уже... уже... уже...

А я еще нет. И сейчас меня волнует лишь вопрос, когда будет «да».

К утру определился.

Если твоя жизнь круто меняет привычный уклад, ты должен быть собранным, решительным, ответственным и оперативным. Я решил поехать в Мюнхен. На неделю, не больше. Работать все же надо. Попрошу тещу приехать помочь жене. От меня толку мало.

– Папа, ты на самолете полетишь? – спросил вечером Антон, когда я сбрасывал наспех вещи в чемодан и ожидал приезда такси.

Выходил из дома с улыбкой. То ли из-за того, что сбегая по уважительной причине, то ли в предвкушении полета на самолете. Папа. Странно звучит. Я этого не чувствую. Не чувствую, что имею право так называться. Не чувствую гордости или того, что там нормальные папы должны чувствовать. Интересно, если бы детский голос в толпе на улице крикнул «Папа!», я бы обернулся?

Мюнхен. Тот город, где мне всегда и все понятно. Как только я, выйдя из самолета, коснулся ногой земли, жизнь стала такой, какой я привык ее знать до недавнего времени – устроенной, упорядоченной, удовлетворяющей меня.

Легкий летний ветер, теплое, но не раздражающее солнце, температура воздуха около двадцати, время около восьми – самое оно выпить темного пива и съесть вареную свиную рульку.

От этих мыслей у меня началось активное слюноотделение, и я забыл позвонить жене, как и обещал, сразу по прилету.

Меня встретил Франц, помощник Вальтера – молодой, лет двадцати пяти, сдержанно улыбающийся, традиционно светловолосый, худощавый, подтянутый, слегка пижонски одетый, безупречный в манерах и словах ариец.

Он отвез меня в Хофбройхаус и проводил на второй этаж, в маленький зал вдаль от шумных музыкантов. Там за одним из массивных деревянных столов уже сидел Вальтер Леманн, мой немецкий бизнес-партнер. Официант тут же поднес две литровые кружки темного пенящегося пива и соленые претцели в корзинке.

– Все как ты любишь, мой друг!

Я почувствовал себя счастливым ребенком.

В одиннадцать, когда нас, пьяных и сытых, пытались выпроводить из закрывающегося ресторана, мы выпросили еще по кружке, которые нас укрыли так, что наутро мы не помнили, как добрались – я в гостиницу, а Вальтер домой. Тактичные подробности нам рассказывал Франц.

Голова гудела, и, когда мы ехали в офис Вальтера, я попросил его остановиться у аптеки. Аспирин вернул мне память. Я вспомнил о доме. О жене. О детях. Телефон был полностью разряжен.

Как только на зарядке он включился, мне позвонила жена. Выговаривала меня как мальчишку. Долго. Мне было стыдно и неловко. И очень неуютно снова быть трезвым.

Наспех обсудив рабочие дела в офисе, мы пошли обедать и похмеляться.

Вальтер уже не пил. Сдержанный, собранный немец и так вчера удивил меня своим гостеприимством.

– На сколько дней ты приехал?

– На четыре.

Он бы не понял, если бы я признался, что на целую неделю.

– Отлично, послезавтра приезжает наш партнер из Белоруссии, давно хотел вас познакомиться.

И у меня останется еще три дня ничегонеделания. Жизнь налаживается.

Булбаш оказался неплохой компанией. Я устал один, в одиночестве пить три дня, так что его появление за нашим столом произвело на меня должное впечатление, и я снова напился. Все эти дни Франц увозил меня из ресторана, а утром препровождал в офис, идеально одетый, причесанный, надушенный, чуть ли не припудренный. При виде его я немного стеснялся своего перегара вечером и синих мешков под глазами наутро. Он никогда не сидел с нами за столом, ждал в машине, всегда был пунктуальным до минуты и предусмотрительным до мелочи. После первого вечера теперь в машине у него был и аспирин. Я как-то утром пытался по-немецки ему объяснить, что обычно я так много не пью. Он кивал, деликатно улыбаясь.

Поднабравшись с белорусом – не помню его имени, – я позвонил жене. У нее был тихий спокойный отрезвляющий голос. Я не соскучился, но сказал обратное. Не знал, что спрашивать о детях, но она сама что-то рассказала, какую-то, судя по всему, веселую историю, произошедшую с ними вчера. В моем любимом Хофбройхаусе по традиции было шумно – я не очень расслышал.

– А у тебя есть дети?

Все же мысль о детях зацепилась за какую-то полутрезвую извилину, и я задал своему собеседнику вопрос, который раньше меня никогда не волновал. Тот принялся расписывать трех своих дочерей разного возраста. Чтобы прервать эти его нежности – расплакаться только ему еще не хватало, – я то же самое спросил у Вальтера, который весь вечер цедил первый и единственный бокал светлого нефильтрованного.

- Есть. Сын. Франц.
- Его зовут Франц?
- Наш Франц, который ожидает в машине.

Мой затуманенный солодом мозг пытался осознать эту расстановку. И как я сам не догадался: такие же манеры, профиль за рулем, только моложе в два раза. Но для меня это все же было более чем странно: сын президента крупнейшей немецкой машиностроительной компании ждет меня каждый вечер под рестораном, возит пьяного домой, и его отец ни разу не пригласил сына – взрослого сына, хорошего сына, разумного сына, достойного сына – поужинать с нами.

- Ну как же, почему же? – не удержался и проямлил я.

- Он – простой работник, как все. Молодой и неопытный. Придет время – будет все иначе.

У меня только так.

Жестко. Но, восхищаясь каждый раз подходом к работе Вальтера, я и сейчас не смог с ним не согласиться. Слегка заикаясь, рассказал ему о том, что стал на днях отцом двойняшек. Идеально выбритая немецкая физиономия слушала мои неожиданно выплеснувшиеся подробности, слегка улыбаясь – то ли скептически, то ли сострадальчески. Абсолютно молча. Такой реакции я еще не встречал.

Конец вечера и возвращение в отель были по традиции смазаны.

И еще три дня я был один. Мне не хотелось ни с кем разговаривать, да и пить больше не было сил. Бродил по городу, обедал, спал до вечера, ужинал, снова спал. Количество выпитого алкоголя за первых четыре вечера все еще продолжало держать мое настроение приподнятым.

Мой новый купленный здесь летний костюм идеального серого оттенка, мои новые туфли, этот гостеприимный город, рациональный выбор гостиницы, температура и влажность воздуха, а вместе с ними и вся моя жизнь представлялись мне органично созданными, вылизанными, вычищенными, выкроенными с немецкой педантичностью и практичностью, которую я всегда уважал и перенимал как мог в работе и в жизни.

Легкое, не обремененное ничем настроение сначала завело меня в Новую Пинакотеку, где я провел несколько часов. Вот-вот

готовые упасть мне под ноги живые лепестки подсолнухов так впечатлили меня, что подумалось: неплохо было бы это все однажды показать двойняшкам. Тем более на расстоянии моя семья начинала казаться мне идеально скроенной. Затем я забрел в детский магазин, где, хоть и напрягаясь добрых полчаса, но все же выбрал один грузовик и один экскаватор Liebherr с традиционно ярко-желтыми корпусами. После зашел в магазин Bottega Veneta на Максимилиан-штрассе и купил жене шелковый шарф. Он стоил целое состояние. Я не привык делать такие подарки без повода, но в тот момент, когда ассистент магазина, модельного типа блондинка с короткой стрижкой, красной помадой, холеными руками с красным маникюром, дала мне его пощупать, ощутил такую легкость – легкость ткани, легкость настроения, легкость собственного бытия, что мне непременно захотелось этим поделиться с женой.

Она периодически писала отчетные эсэмэски, я читал их и отвечал принятыми между нами односложными нежностями.

В последний день перед отлетом домой я сидел в ресторане «Шварцрайтер» за столиком на улице. После девяти веяло прохладой, и приятная бодрость пронизывала всего меня. Все казалось еще более простым и понятным, а я себе – снова свободным от удушающего, переполненного жизненного пространства. Люди не спеша прогуливались мимо меня, излучая уверенность и спокойствие в собственном завтрашнем благополучии, чем и я старался напитаться. Как мне казалось, удачно. Уже был готов вернуться, полный сил, отдохнувший от окружающей меня давящей домашней суеты. Все у меня будет не хуже, чем раньше. Все наладится, все сумеется, все сбудется...

Не удержался и все же выпил три джина с тоником, которые добавили еще больше смелости перед возвращением домой.

Ночью мне снилась блондинка из магазина. Я имел ее в своем номере, уложив на круглый стол у окна. Не люблю с чужими делиться постелью. Она что-то все время выкрикивала, и, хоть я и понимаю немецкий, слов не запомнил. Запомнил только ее упругий зад, плоскую холодную грудь, которую держал двумя руками, боясь во сне соскочить от ярых движений, и бежевый шелковый шарф, лежавший рядом в подарочной коробке с бантом. Стрижка у нее была короткая, и я помню, что все пытался ухватить

ее волосы в кулак, как обычно проделывал с длинноволосой женой, но это мне никак не удавалось. Позже открыл коробку, бросил шарф на ее шею, ухватился за концы, тем самым зафиксировав свое дальнейшее пребывание в теплой податливой плоти.

Мой сон ушел до того, как я кончил, утром же пришлось самому довести дело до конца. После месяца отсутствия секса это было кстати, как, впрочем, и вся моя поездка в психотерапевтический баварский город.

Жена и дети ожидали меня в зоне прилета, и я увидел их издалека. У Артема в руках был большой букет ромашек. Выглядели они как счастливая красивая семья, встречающая отца семейства. Двойняшки в одинаковых джинсовых шортах и ярких бейсболках – один в синей, другой в красной.

– Здравствуй, папочка! Как ты, папочка? Мы скучали, папочка!

Антон сиял. Его глубокие ямочки на щеках заставили улыбнуться и меня.

Этот не пропадет.

Хитрые подвижные глазки смотрели вразлет не только друг с другом, но и с произносимым текстом.

Я взял у него из рук букет, жена и Антон покатали чемодан к выходу.

Головная боль сдавила затылок. У меня не было сил говорить, да и обычно очень разговорчивая жена молчала. Она села за руль моей машины, дети на заднее сидение, и я отдал им букет.

– Как вы тут? – я поинтересовался, стараясь быть максимально заботливым.

– Все хорошо. Как ты там? – ответила жена, сделав акцент на «ты».

– Замечательно.

Переглянулись, выдавили улыбки. Она как-то странно дергалась. Я рассматривал ее краем глаза. На руках, держащих руль, проступили вены, волосы, всегда распущенные темные блестящие волны, были забраны на затылке в дурацкий пучок.

– Теща приезжала?

– Нет, не смогла. Папе стало плохо – не хотела его оставлять.

Мне противно, когда меня заставляют испытывать чувство вины. И оттого становлюсь еще более противным. Самому себе.

На вечер у меня обязательно найдутся срочные дела. Я же чувствую на себе этот пронизывающий насквозь взгляд, ищущий внутри меня виноватость.

– А я вам подарки привез! – пришел в голову хороший поворот разговора.

– Ура!!! Подарки, подарки, подарки! – завопили дети и стали размахивать букетом, отвлекая жену от дороги.

Впервые в жизни я услышал, как она ругается. Громко. Мерзким едким голосом. Вспарывая мне ноющий голодный желудок этими криками. И даже пара матерных слов. Всего пара секунд, вернувших меня окончательно из Мюнхена домой.

Такой ли был мой дом, когда я его покидал?

Пыльца с ромашек осыпалась на бежевую кожу салона. Я это заметил, поморщился, но ничего не сказал. И так достаточно было шума. Когда мы припарковались возле дома и выходили из машины, она все же это увидела, и ее безумные крики возобновились. Оба получили подзатыльники. Я инстинктивно вжал голову в шею.

Дома раздал подарки. Мальчуганы были счастливы. Жена открыла коробку, и я слегка смутился, вспомнив игру ночного воображения. К чему смущение, ведь это был всего лишь коротенький, совсем ничего не значащий сон?!

Шарф она сунула в шкаф и позвала всех ужинать. Как будто я и не уезжал, и вновь окунулся в эту суету за кухонным столом и обжигающие мои пятки крошки под ним.

А мой ребенок был бы похож на меня? Внешне? Характером? Повторял бы меня в моей закрытости, замкнутости, педантичности, чистоплотности, честолюбии? Эти два веселых чудовища, как я их ласково называл, были полной моей противоположностью. Я думал об этом каждый раз, когда наблюдал за ними. Как неуклюже они держат ложки в руках, как хаотично вертятся за столом, задевая все локтями, как они отрывают большие ломти от хлеба и запихивают себе в рот, как наклоняют тарелки и пьют борщ, который потом красными тяжелыми каплями висит на детских подбородках. По Антону вообще я никогда не мог понять: он такой грязный или просто очень смуглый. Жена делала им резкие замечания, я не встревал. Они все равно не слушали меня.

– Подстриги им ногти.

Это было все, что я произнес за тем ужином.

Потом ушел смотреть футбол в паб рядом с домом. Там было много людей, много детей. Я сидел за барной стойкой и пил пиво. После третьего бокала решил, что в следующий раз можно с собой взять жену и детей.

В те дни я начал действительно много пить. Наутро жалел, к обеду забывал, к вечеру перебирал в памяти названия алкогольных напитков и гадал, что будет приятнее всего заказать на ужин. Мы стали выходить все вместе по вечерам в кафе и рестораны, преимущественно с детскими комнатами и площадками.

– Это ваши детки? Какие милые!

Когда мы встречали знакомых, мне нравился этот момент. Как будто наконец меня приобщили к высшей касте удачливых самцов под названием «дом-дерево-сын». Последнее – два раза. Очень удачливых.

Хоть жена и была с ними часто агрессивна, они тянулись к ней. Стали прислушиваться и даже иногда побаиваться. Она действительно стала им мамой.

А я...

Я же пока так и не понял, кем стал. Но точно знал, кем перестал быть. Самим собой. Мне не было места в доме. И уже даже в собственной постели было странным образом неудобно. Долго мылся перед сном в душе или читал в туалете, ожидая, пока жена заснет. Мое воображение больше не будоражили ее голые ноги, оставляли равнодушным горячие ягодички, прижимающиеся ко мне по ночам. И меня никоим образом не возбуждала она в новой роли – роли агрессивной мамыши, воспитывающей двоих детей, при этом напрочь забывшая обо мне. Целый день она тратила на них, а вечером, уставшая, укладывалась со мной в постель. Оставляла мне каплю своей растроченной до дна энергии, оставляла утомленные руки на полусонные объятия, обведенные темными кругами глаза, оставляла остатки остатков.

Нет, была хороша все так же, как и раньше. Но подачек я не хотел. Только легкое блуждание ее пальцев по моей спине ночью под одеялом иногда навевало мысль, что тело еще интуи-

тивно просит забытой ласки, когда уставшее сознание давно смотрит скомканный сон. Но я ревновал. Признаюсь, ревновал к двум маленьким мальчикам. Смешно?

Мне нет.

– А ты когда осознал по-настоящему, что вот стал папой и этому рад? – я набрал номер друга, от которого можно было ожидать относительно искренний ответ. А то уже достали с этими сказками о врожденных отцовских инстинктах. Я думал раньше, что только бабы такие позерки. Нет, мужики тоже любят строить из себя вселенских папаш.

– Сразу вроде, когда Пашка родился, – и этот попытался туда же.

– Не ври.

– Ну, я же молодой был, мне еще двадцати не было.

– Так когда?

– Через пару месяцев, дети – это рад...

– Не ври, ты мне друг или как все?

– Когда он в школу пошел.

Вот это честно. Еще два года. Два года подождать – и все будет как у всех.

Стоп. Он-то с ним с рождения.

Шесть лет?

Шесть лет?!

Шесть лет!!!

Надо что-то делать. Деловые поездки – это хорошо, конечно, мозги промывает. Но от реальности в командировку не сбежишь.

Я вышел из спальни и был настроен решительно. Мне обязательно нужно найти с ними язык, контакт, сферу влияния и условия для безоговорочного отцовского авторитета.

Залез в интернет. Лучше бы не лез. Идеалистические слюнявые рассказы о счастливых семьях, в которых ни слова правды, ни буквы искренности. Все у них было сразу просто, и «боженька помог». Чего же он мне не помогает? Я не против его конструктивного содействия. Напоролся потом на сотни жутких историй о том, как, не выдержав напряжения и условий новой жизни с приемными детьми, люди отдавали их назад в детский дом.

«Дети прощают родных родителей, но приемных – никогда». Фраза впечаталась в меня, и после этого несколько ночей низкий

грудной голос нашептывал мне это, как будто зная о моих намерениях: если к концу августа не свыкнусь, на суде не буду врать.

Больше с интернетом я не советовался.

Жена была все время на кухне. Она приросла к этому месту у плиты, как будто стать матерью означало научиться готовить десять видов супов. Мало того, что в моем доме поселились два чужих человеческих детеныша, еще и человек, который казался родным почти двадцать лет, становился невыносимо чужим. До ужаса. До нервного тика правого глаза, который в течение этих месяцев отпускал меня только ночью, и то ненадолго. Я перестал ее понимать.

Мне удавалось прервать это постоянное нахождение на кухне выходами на ужин в ресторан. Это, казалось, нравилось всем: и мне, и ей, и мальчикам. После второго бокала вина или второго стакана виски мы все становились такими близкими и дружными. Двойняшки, отслеживая мое расслабление под действием алкоголя, называли меня «милый папочка», подбегали сзади к моему стулу, пытались обвить ручками, но сквозь туман я чувствовал, что они играют. Для официантов, для посетителей заведения, для жены. Для красивой картинке.

Впрочем, как и я играл счастливого отца семейства.

Лето было не просто жаркое, душное. Полтора месяца показались вечностью, и все эти мысли продолжали мучить меня. На трезвую голову. На пьяную – все было не так печально. Особенно в ресторане с детской площадкой.

Когда мне нужно было поработать с документами, я уходил в кафе около дома. Если бессовестная совесть начинала меня пытаться, я возвращался и прятался от всех в туалете. В четырехметровом замкнутом пространстве, закрытом изнутри, я сидел на крышке унитаза с ноутбуком в руках, в наушниках, и пытался работать.

То ли над документами, то ли над собой.

Пытался себе внушить, что это нормально. Им же по четыре года. И так уже нам удалось миновать пеленки, памперсы и почасовое кормление грудью. И они у нас всего лишь пару месяцев. Когда-нибудь я привыкну.

Они не интересовались мной, а я ими. Даже толком не знал, что они любят, а что нет. Что приносит им удовольствие, а что

огорчает. Меня только все время раздражала их неаккуратность, абсолютное безразличие к вопросам чистоты и гигиены. Они не хотели чистить зубы, не хотели умываться, а если это и делали, то потом после них нужно было долго отмывать раковину от пены, грязных потеков и пасты, в тюбик которой они постоянно наливали воду. Что я и делал, каждый раз заходя в ванную или туалет после Артема или Антона. Я боялся оставить на столе без присмотра свои очки, когда шел принимать душ или спать. Их можно потом долго искать, что и случалось несколько раз. Дрожал над своим ноутбуком, который приходилось таскать везде за собой. Однажды дал им его посмотреть мультфильмы, и Антон вылил на него сладкий чай. Еле спасли.

Вспомнил, как в первые дни нашего совместного существования даже побаивался за свою жизнь. Не смейтесь. Откуда мне знать, что у них там с генами? Как говорила их воспитательница нам в единственную встречу, «Гену пальцем не задавишь». В доме кухонные ножи, ножницы, иголки, булавки...

Глаза у них пронзительные. Острые, цепкие, протыкающие тебя и без вспомогательных орудий. Знающие все о жизни и о тебе, взрослом умном дяденьке. Даже когда они смеются. Жутко взрослые глаза.

В те моменты, когда я наблюдал за ними, они вели себя каждый раз одинаково. Шумели, дрались, кричали, отбирали друг у друга игрушки, бросали ими. Но стоило появиться рядом на детских площадках другим детям или мне согласиться пригласить кого-то в гости, мальчики начинали дружить против всех и защищали друг друга. Жена мне рассказывала, что никогда не могла допытаться, кто из них разбил или разлил что-то. Никогда один не сдавал второго. Получали наказание вместе и, пряча признания в опущенных в пол глазах, сидели в углу вдвоем.

Как мог я прорваться в этот закрытый мирок? У меня никогда не было брата. Я никогда не был с кем-то близок настолько. Жена? Это другое.

Да... Конечно, я близок с ней. Насколько это возможно. Но по-настоящему впустить кого-то в свою душу не умею. Не доверяю. Никому. Меня не учили. Как вообще мне, такому чокнутому, разрешили усыновить детей?

Как нам найти хоть что-нибудь общее?

Вот почему у меня нет детей. Природа куда умней всех этих служб по усыновлению. Нет – значит, не надо. Не сможет. Не сумеет. Никогда не научится.

Что же я буду говорить на суде?

А если меня спросят, люблю ли их?

Мне придется лгать.

А им придется лгать, отвечая интересующимся, любят ли они меня.

Хоть этого получится избежать. Нас предупредили, что детей необязательно брать с собой.

А то они бы рассказали.

Эти не соврут.

Эти ничего не боятся. Ни сказать, ни сделать, ни потерять. Никого и ничего.

В отличие от меня.

Может, это мне у них нужно учиться? У детей, которые пережили больше, чем иной человек и за всю жизнь не успеет.

Я пытаюсь вспомнить свое детство. Как мой отец воспитывал меня?

Он ушел, когда мне было девять.

До этого, возможно, что-то и было хорошее. Но я не помню. Мне скоро пятьдесят.

Знаю, что он ушел к другой женщине. После этого год еще как-то общались, я ездил в гости к бабушке с дедушкой пару раз, несколько раз меня забирал отец, и мы то ли ходили в кино, то ли просто бродили по улицам. А потом он перестал к нам приходить. Мать сказала, что у него в той, другой семье родился сын, в сердцах даже как-то крикнула: не спрашивай, мол, больше, где твой отец, у него теперь другой сыночек. Я больше и не спрашивал. И никогда его не видел. Звонил ему пару раз, когда мне было уже двадцать: встретил его друга, дядю Лешу, на улице, и тот дал его номер. Сказал, что отец из новой семьи тоже ушел и живет один. Я решил однажды набрать. Разговор не клеился. Он не знал, о чем меня расспрашивать, а я его. Мы были одинаковые: оба замкнутые, закрытые, с трудом идущие на контакт. А тут – пропасть в десять лет и миллион обид. Моих обид, которые так никогда

ему и не высказал. И никогда так и не услышал его версию. Четырнадцать лет назад он умер от инфаркта.

Даже в те моменты, в девять лет, когда молчаливо ненавидел его за все: за мать, за прерванное детство, за то, что он так и не осмелился никогда поговорить со мной, – я знал, как все же похож во всем на него. Внешне, манерами, жестами, походкой, молчанием. Когда мать долго смотрела на меня, не мигая, понимал, что напоминаю ей отца.

И сейчас это понимаю.

Мне хорошо одному. Наедине. В тишине.

И я такой же плохой отец. Также не способен любить детей. Чужих ли, своих. Нет никакой разницы. Неумение это передается с проклятыми генами.

Не проходит и дня, чтобы я не думал, что будет, если этого не сделаю.

Не смогу.

Откажусь.

Опозорюсь, но честно откажусь.

Просто не приду на суд.

Исчезну. Испарюсь.

В какое-то утро я пытался работать в нашей спальне. Забыл включить кондиционер и не сразу понял, почему мне не хватает воздуха. Я задыхался. И это была не только изнуряющая меня в этот год летняя жара.

Я просидел три часа перед пустой открытой страницей Word'a.

Назад жена их не отдаст, это ясно. И я их не брошу, буду помогать деньгами, конечно.

Жилье оставляю, машину тоже. Жене никогда не придется работать. Пусть занимается детьми. Я буду приезжать к ним в гости. Сниму себе маленькую квартирку. Может, даже в Мюнхене. Почему бы и нет? Тишина, чистота, покой и лететь недалеко.

Расходятся же люди. Живут дети с мамами – и ничего, вырастают нормальными людьми.

Вот я: после школы пошел работать, научился зарабатывать сам и матери помогал. В двадцать три уже купил ей новую квартиру. И какая кому разница, как там мамы с папами существуют – совместно или порознь?

Дело же хорошее сделали. С женой им точно лучше будет. А я один буду жить. Когда тебе под пятьдесят, смешно рассчитывать, что хватит сил идти до конца в новом деле, особенно в таком заведомо провальном, как идеальное отцовство.

Решил перед сном сегодня с женой поговорить, когда уложит детей.

Так я ненавижу эти серьезные разговоры! Особенно начинать самому. Особенно когда хочется лечь в кровать, уснуть, а утром проснуться в другом месте.

Дождлся, когда пацаны затихли. Тянул все на себя одеяло и свет в комнате выключил, пока ее ждал. Днем про себя отрепетировал, с чего начну. Так что заминок и пауз не должно быть.

– Ты спишь?

Жена уже легла, чуть отвоевав у меня одеяло.

Я потянул паузу, припоминая заготовленный текст, и начал.

Мне в темноте легче разговаривать. Когда глаза в глаза, сложно.

В темноте как бы и не я говорю. От третьего лица. Единственно правильного числа.

Я несвойственно тараторил: хотелось поскорее закончить. Даже не ожидал от себя такой разговорчивости. В темноте и тишине дома слова мои звучали резко, отскакивая от стен, я сам не совсем узнавал себя. Несколько раз запнулся. Повторил проговоренное. Было очень холодно. Наверное, лето подходило к концу. Я снова шмыгал носом, голос иногда скрипел и ломался, отчего делался каким-то инфантильным. Перешел на шепот. Переспрашивал, слышит ли она. Понимает ли меня. Согласна ли на такие условия. Она не отвечала, но я видел в темноте два светящихся уголька, которые иногда двигались в такт моему голосу – выше-ниже. Конец разговора я уже не помнил: то ли вырубился, то ли просто устал повторять зазубренные предложения.

Следующим же утром я должен был уйти. Чтобы не тянуть и не передумать.

Должен был, но не смог.

Я это понял, когда попытался утром открыть глаза. Тело пропустили через мясорубку. И голову. И мысли пустили на фарш. Решительность искромсали.

Температура сорок. Мне нечем было дышать. И уже было неважно, где я, с кем и готов ли остаться хоть кто-то со мной после вчерашнего разговора.

Снова провалился в сон.

Очнулся и сразу почувствовал что-то холодное на лбу. Жена сидела рядом. Она знает, что это не очень-то помогает. Но для меня холодный компресс был вроде плацебо. Когда болел, всегда просил его.

Она сделала.

В комнату зашли мальчики. Подошли близко к кровати. Я отвел взгляд. Мне было больно смотреть из-за скрутившего меня гриппа. Надо ж было летом заболеть.

Потом жена принесла суп. Кормила меня с ложки. Мальчики все стояли рядом и наблюдали за нами. Почти не шевелясь. Когда жена подносила ложку к моему рту, я, делая вид, что пытаюсь сосредоточиться на еде, бросал короткие взгляды на Артема и Антона.

Они были такие нарядные. В моем детстве не помню таких вещей. А им шли яркие одежды, особенно смуглому Антону. Их глаза ничего не выражали. Я пытался нащупать там сострадание, жалость, милосердие. Вдруг привязанность, нежность, может, любовь. Хотя я не очень понимаю, как должна выглядеть любовь. Особенно в детских глазах.

Артем приблизился к кровати и взял двумя руками мою руку. Горячая. Его глаза по-прежнему ничего не выражали. Но и свойственного ему лукавства или притворства тоже не было. Когда он отпустил руку и отошел, я почувствовал: в ладони что-то осталось. Сил не было совсем, но любопытство заставило мышцы напрячься, и я приблизил кулак к лицу. Это оказалась конфета.

Потом все вышли из комнаты, и я остался один.

Я не буду им хорошим отцом. Хотя бы нормальным. Хоть каким. У меня не получится сделать их лучше. Научить их быть людьми. Я сам ничего не стою. Даже не слышу их. Ни их желаний, ни их мнения, ни их голосов. Глухой. И слепой к тому же. У меня миопия средней степени. И абсолютная душевная миопия. Я – старый, слепой и глухой осел. Осмелившийся, вознамерившийся, возомнивший...

Снова провалился в сон. Хотя снов не было. Был жар, лед, снова жар. Я просыпался, бредил; мне все казалось, что продолжаю тот разговор с женой; тихо звал ее – она не отвечала. Мрак в комнате был густым и вязким. Я ничего не видел. Даже из окна не сочился лунный свет.

Утром увидел ее спящей в кресле.

Ненавижу, когда заставляют чувствовать себя виноватым. Намеренно начинаю что-то делать, чтобы уж тогда действительно было в чем каяться.

Зачем она? Могла пойти спать в гостиную.

А потом я ушел. Пока они после завтрака гуляли на детской площадке. Я видел их из окна. Слегка пошатываясь, оделся, взял портмоне, паспорт, кредитную карту, ключи от машины, ноутбук и спустился в гараж. Вспомнил, что хотел оставить машину жене. Вышел через другой подъезд, чтобы с ней не столкнуться.

Пешком дошел до центра города. Я хотел оглядеться. Люди, которых встречал, были слишком живые для меня. Они улыбались друг другу, кто-то хмурился, кто-то спешил на общественный транспорт. На работу или домой. Говорили между собой. Их что-то интересовало. Кто-то их волновал.

А я пил. Просто пил. Звук мобильного выключил, засунул его в задний карман брюк. Сначала пиво. Потом виски. Менял заведения. Что я в них искал, не знаю. Потом заказал бутылку шампанского отпраздновать свою свободу в каком-то не очень чистом баре, в котором я никогда раньше не бывал. С моего бокала стекало на стол игристое душистое пойло. Бросал периодически взгляд на стоящие рядом салфетки, но так ими ни разу и не воспользовался.

Если я буду протирать по привычке бокал, стол, свои мокрые губы, чище не стану. Никогда не стану. А был ли я раньше чист?

Чем я жил? Чистюля и зануда, любивший пить, жрать и спать. И это было неплохо. Очень неплохо, поверьте. Пройдя по собственной эволюционной лестнице, сумел добраться до того радостного для желудка уровня, когда можно потреблять все самое лучшее, что есть в этом мире. Я был счастлив. Простым своим комфортным счастьем, как миллионы других чистюль и зануд. Я знал, кто я и что завтра мне нужно делать, чтобы продолжать вкусно пить, жрать и спать.

А сейчас... Зачем мне все это? Зачем эти вопросы к самому себе? Зачем я на это согласился?

Хотел ли я настолько детей, чтобы навсегда покинуть свой удобный мир? Почему я брожу по этим липким, разошедшимся от несвойственной августу жары улицам? Кожа моя на лице потрескалась, как под ногами земля, в которую, идя по городу, прячу взгляд в надежде не встретить знакомых. Почему я гоню себя от себя? И куда?

Я просто хочу быть свободным. Как раньше. И даже больше. Вот так бродить по пыльному городу в одиночестве, заглядывать в открытые окна, пить в полдень виски или текилу, или водку, чего мне в этот момент захочется. Выбирать женщин, иметь женщин, каких я захочу и когда я захочу. Да, та блондинка из Мюнхена не была сном. Сны я не вижу с девяти лет. Тот шарф я ей отдал, а жене утром побежал покупать новый.

Слишком много на себя взял. Маленький человек с маленьким сердцем. Там нет места никому. Хочу тишины. Тотального всеобщего молчания вокруг. Мне не нужно ни одобрения, ни поддержки. Что мне действительно нужно, так это молчание моей совести, которая противно попискивает в перерыве между бокалами. Как старая, едва живая серая мышь, забывшая, где ее нора, но все еще не утратившая инстинкт самосохранения, подьедающая своими старыми редкими зубами рассыпавшиеся под грязный стол крохи моего исчезающего сознания.

Я ее долго глушил, пытаюсь уничтожить. Для этого находил места, где никто меня не знал, – непривычно грязные, с дешевым алкоголем и кокетливыми официантками, готовыми меня приютить на эту ночь. После того единственного за всю жизнь раза в Мюнхене это сейчас казалось более чем доступным и допустимым.

Но переходил из бара в бар один. Не потому что мне не нужен был секс. Просто молчания мне хотелось больше. Снял номер в маленькой ветхой гостинице в узком переулке старого центра. С большими усатыми тараканами в ванной комнате. Они молчали, а потому не мешали мне. Я хотел быть один. Всегда. Без связей. Без привязанностей. Без этих попыток закоренелого перфекциониста стать для кого-то завершенным, совершенным, идеальным, правильным, лучшим. Лучше, чем мой собственный отец.

Но я же мог стать лучше каким-нибудь способом и полегче. У меня же достаточно денег. Я бы мог всю жизнь помогать какому-нибудь детскому дому, возить им бананы и печенье, краски и карандаши, фотографироваться с ними рядом в двубортном синем пиджаке под цвет коробок с подарками. Я бы даже мог открыть целый детский фонд с громким названием и прописанным удачным слоганом. Спасал бы сотни, тысячи сломанных судеб, чиня им столы, стулья, кровати или даже выстраивая новые красивые удобные детские дома. Почему у меня так все сложно?

К вечеру опять вышел на улицу, пить стало еще легче. Наверное, температура моя спала. Заказал для разнообразия бутылку кьянти в кафе поприличнее. В помещении никого не было, кроме скучающего бармена. Развлекал себя, всматриваясь в узоры на стойке. Зазвонил мобильный. Не сразу узнал Вальтера. Тем более немецкий в таком состоянии мною плохо воспринимался.

– Когда? Завтра? На неделю? Да, встречу. Да, забронирую. Я помню, как его зовут.

Этого еще не хватало. Я отодвинул стакан. Завтра прилетает Франц Шефер по работе, сын Вальтера. Нужно встретить, поселить, поработать, повеселить. А я даже вещей с собой не взял переодеться. Этот всегда собранный, одетый с самой модной иголки, достойный сын своего отца не поймет ни моих обстоятельств, ни щетины, ни перегара в рабочий день.

Стоп.

Номер бронировать на имя Франц Шефер.

Почему Шефер? Какой еще Шефер? Кого мне встречать?

На всякий случай перезвонил Вальтеру. Тот странно ухмыльнулся в трубку, как он умеет, и после короткой паузы выдал:

– Он – мой приемный сын.

Через час я тихонько поскребся в дверь. Даже не я. Моя так и не содхнувшая мышь – совесть. А тупая мысль: «Немец может, а я – нет?!» – истерично звонила в звонок.

– Ну какой из меня отец? У меня ни хрена не получается, ты же видишь, – что-то такое я заготовил по дороге и проговорил, облокотившись на косяк. Конечно, мне легче было бы говорить по привычке с выключенным светом в постели, но вряд ли бы она

сразу пустила меня туда. – Я боюсь. Так боюсь, как никогда и ничего раньше не боялся. Скажи что-то! Чего молчишь?!

Она взяла меня за руку, и я послушно пошел за ней в кухню. Налила мне тарелку куриного супа. Как быстро она превратила это в шедевр.

Ел и уговаривал себя. Я смогу. Я, сука, смогу. Ради них. Ради нее. Ради всех, кто смог до меня. Но даже больше ради себя. Ради того девятилетнего пацана, который не понял, не услышал, не спросил, а никто ему и не попытался объяснить. Ради того повзрослевшего сына, который хотел дать своему отцу шанс объясниться, выговориться, а он им никогда не воспользовался. Мальчика, который застрял в том своем неловком детстве.

Она потушила свет во всей квартире и подошла ко мне. Впервые за эти длинные месяцы я почувствовал себя дома. Снова дома. Еще больше похудела, кисти рук были холодными, когда она меня обняла. Я прижал ее ладони к губам, пытаюсь согреть дыханием. Женщина нежная и по-прежнему отчаянно страстная. Мне хотелось ее трогать, ласкать, целовать. И все это я делал с улыбкой. Грустной и в то же время радостной улыбкой сумасшедшего. До самого утра. Пока не проник в комнату солнечный свет.

Утром пришла теща, согласившаяся побыть с детьми; мы собирались в суд, который оказался более чем формальным. Все заняло минут сорок, не больше. Было несколько странных вопросов личного, очень личного характера, особенно к жене. О здоровье физическом и психическом. Когда я слышал, что ее голос начинал вибрировать, я брал ее правую руку: она сидела слева от меня. Сжимал ледяные пальцы. Совсем чуть-чуть, чтобы не сдавить обручальное кольцо, – я знаю, как это больно.

Когда мы вернулись, дети сидели на полу, играли с конструктором. Они не пытались собрать его, не смотрели в книжку-инструкцию, бросали фрагментами друг в друга, хаотично соединяли по две-три детали, разбирали эту абракадабру, собирали заново.

Я зашел молча. Они на мгновение повернулись ко мне и продолжили, как будто в комнате никого не было. Я присел на край дивана, не зная, куда деть руки, смущенно поглядывая на них. Как обычно ведут себя нормальные папы?

Засмотрелся на макушку Артема. Когда мы его забирали, он был очень коротко стрижен. А сейчас волосы отросли и завились в мелкие светлые кудряшки. Как у меня. Мне захотелось их потрогать, и я протянул руку. Жесткие упрямые пружинки.

У смуглого Антона волосы были черные, прямые, гладкие. Я взъерошил и его чуб. Они смотрели на меня с легким недоумением, но я по очереди щупал их такие разные головы. У жены моей тоже были черные, прямые, гладкие. Я начал смеяться. Сначала еле слышно. Потом все громче. У Артема были мои волосы, а у Антона – жены. Ничего не означающее и, главное, ничего не обещающее сходство структуры волос заставило меня долго и упорно смеяться. Мальчики подставляли мне свои головы, и я ерошил их волосы. Потом они четырьмя руками впились в мою голову и ерошили мои. Я начал щекотать их, они друг друга, Тема упал, катался по полу, Тоха щекотал его пятки, потом они вновь набросились вдвоем на меня. Один держал мои руки, второй щекотал. Вдруг Тема опомнился, посерьезнел, замер. Мы все замерли, ожидая его следующего движения. Он снял осторожно с меня очки, положил их на стол, и тогда мальчики продолжили. Я вырывался, но не так чтобы очень, мы все хохотали один громче другого. К нам заглянула жена.

– Хватай ее! – крикнул Тема, и мы повалили ее на пол. Жена, ориентируясь в правилах игры, принялась тоже не слишком активно вырываться, просить пощады и громко смеяться.

С того дня больше не думал о том, как должен вести себя правильный отец. Вел себя как девятилетний мальчик, который недопрожил свое детство. Как старший брат и друг. Вспоминал, чего желал и о чем мечтал, когда был маленьким, чего мне хотелось и чего мы не могли себе тогда позволить.

В октябре мы нашли детский сад, где было сразу два свободных места в средней группе. Дети должны были пройти полное обследование перед этим. Оказалось, здоровые молодые бычки. Только Теме прописали очки, чтобы подравнять его косящий глаз. Это было уморительно: в очках он был вылитый я. Захочешь – так себя не повторишь.

Вот, собственно, и все. Но, как вы понимаете, это не конец истории, а только ее начало.

Я должен был бы, наверное, закончить свой рассказ тем, что жена беременна и скоро у нас будет еще ребенок. На радость страдающим разного пола и возраста, которые двадцать лет нам желали, чтобы небеса поскорее послали нам ребенка. Теперь, когда есть даже двое, их логика делает незатейливый и доступный вариант следующего пожелания на годовщину свадьбы: теперь нам нужно срочно родить дочь.

Нет, простите, избавьте, впечатлительные барышни, не будут хлопать чуду в ладоши. Никаких больше попыток выследить яйцеклетку, совокупляться по часам или кончать в пахнущую спиртом и стыдом холодную пробирку.

И не надо думать, что я изменился, или мое отцовство меня сделало другим. Все такой же социопат и социофоб. Меня все так же раздражают громкие крики и смех. Я не умею быть нежным и заботливым. Люблю сбегать от всех в командировки. Часто отстраняюсь и оставляю жене принятие важных решений относительно детей, их настоящего и будущего. Я – просто законченный эгоист, который переписывает начисто свое детство, играя в лучшие игрушки, оправданно смотря детские хорошие фильмы рядом с этими детьми. Моими детьми.

